

Воспоминания о Геннадии Сергеевиче Телегине

М. А. СЫРУНИН

В 1987 г. Геннадий Сергеевич стал начальником лаборатории, в которой я работал научным сотрудником. Это был достаточно короткий период расцвета демократии в нашем институте, когда сотрудники сами выбирали себе начальников. Из трех претендентов начальником лаборатории, которая занималась совершенствованием созданной в начале 1980-х гг. уникальной установки «ТИГ-Колба-НЦР» и внедрением ее в практику испытаний на Семипалатинском полигоне для исследования спецтехники на стойкость к поражающим факторам, был избран Телегин.

Он к тому времени уже был начальником лаборатории, но другого отдела отделения 03, кандидатом физ.-мат. наук, сложившимся специалистом-экспериментатором высшей квалификации, имеющим огромный опыт руководителя работ, в том числе на внешних испытательных полигонах, где он с сотрудниками занимался определением основных характеристик ядерных зарядов при подземных испытаниях с использованием созданной при его непосредственном участии и ставшей основной методикой физизмерений – методикой МГШ. Кроме того, он был секретарем партийной организации нашего сектора.

И вот такого человека мы выбрали в начальники лаборатории. Г.С. с присущей ему активностью и обстоятельностью быстро освоил несколько новое по научной тематике направление работ. Курируя и организуя работы в лаборато-

рии по всем направлениям, он возглавил группу, занимающуюся подготовкой и проведением полигонных испытаний, а исследовательской и методической деятельностью занимались, как и прежде, ведущие специалисты в составе существующих в лаборатории групп. По инициативе Г.С. были созданы мобильные измерительные комплексы и вакуумный пост, которые впоследствии активно использовались в полигонных работах, в том числе уже после возрождения с 1996 г. исследований РФЯЦ-ВНИИЭФ на внешнем полигоне (ЦП РФ).

В те годы при его участии на основании результатов натурных испытаний была обоснована предельная несущая способность камеры «Колба», и создан уникальный комплекс «Сияние», на котором в 1989 г. был проведен единственный эксперимент, после чего был объявлен мораторий на ядерные испытания, а далее – после распада СССР, Семипалатинский полигон перестал существовать.

С середины 1990-х гг. за короткий срок при непосредственном участии сотрудников лаборатории в РФЯЦ-ВНИИЭФ была создана и внедрена в практику безопасная технология проведения испытаний на внешнем полигоне, которая, постоянно развиваясь и совершенствуясь, продолжает применяться и до настоящего времени.

Следует отметить некоторые качества Г.С. как начальника и руководителя. Он был принципиален, с высоким чувством ответственности и учил на своем примере этому подчиненных. При этом он полностью доверял своим сотрудникам, так как считал, что сотрудники, также как и он, должны добросовестно и честно относиться к своей работе. Г.С. трепетно относился ко всем своим сотрудникам независимо от их возраста и должности, готов был отстаивать их интересы на любом уровне. Однако, он сразу категорично разрывал всякие отношения и, по возможности, расставался с теми, кто не соответствовал его критериям «качества», подвел или «подставил» его. Как начальник он не боялся брать всю ответственность за порученную лаборатории работу на себя. Примерно также он относился и к вышестоящим руководителям.

Вспоминается один случай, связанный с испытанием «Колба-Предел» на СИП, который

как мне кажется, наиболее полно характеризует и раскрывает замечательные качества Г.С. и как руководителя, и как человека. Тогда в ходе подготовки испытаний был установлен достаточно жесткий график работ, и мы несколько недель безвылазно сидели на площадке «Г». Параллельно с нами там же готовилось еще одно испытание, и на время его проведения нас вывезли отдохнуть на «Берег».

Трудовой народ, попав в условия развитой цивилизации, сразу же расслабился, и несколько наиболее активно гулявших сотрудников вступили в конфликт с комендантом гостиницы. Инцидент закончился вызовом начальника экспедиции. Это был период развернувшейся по всей стране кампании «сухого закона». Г.С. вступился за сотрудников, и конфликт был быстро улажен. Однако, после завершения испытания, когда экспедиция вернулась домой, начальник экспедиции, с которым у Г.С. и в предыдущих поездках случались конфликты, решил свести с ним счеты и «накатал» бумагу в нашу партийную организацию, что член КПСС и руководитель Г. С. Телегин допустил нарушение сотрудниками «сухого закона» при выполнении ответственного задания.

И вот наша партийная организация должна была разбирать поступок своего секретаря парткома. Г.С. рассказал о произошедшем инциденте, объяснил, что после активной продолжительной работы люди должны были немного расслабиться. Он высказал негативное отношение к проводимой огульной кампании, взял всю ответственность за случившееся на себя и сообщил, что готов нести ответственность. Г.С. пользовался большим уважением в секторе 3, никто не сомневался в его честности и порядочности, поэтому парторганизация приняла информацию к сведению и высказала отношение к случившемуся без оргвыводов. Однако после этого Г.С. с должности секретаря парторганизации ушел.

Г.С. нравилось заниматься конкретной общественной работой. В 1990-е гг. он активно работал в Совете трудовых коллективов института (СТК), где представлял отделение 03. В то смутное время зарплату нам платили с задержкой, и не было четкости и организованности в работе института, так как в стране была полная неразбериха и экономический хаос. СТК активно поддерживал директора и руководство института в сохранении ВНИИЭФ и Минатома, участвовал в подготовке закона о создании Российских федеральных ядерных центров, закона о ядерном оружии.

В 1997 г. Г.С. принял решение уйти из начальников лаборатории в ведущие научные сотрудники и предложил мою кандидатуру на освободившееся место начальника лаборатории. Руководя нашей лабораторией, Г.С. продолжал заниматься своим любимым делом – анализировать результаты и уточнять данные, полученные в многочисленных натуральных полигонных испытаниях, и здесь ему помогали сотрудники лаборатории, которую он возглавлял до прихода к нам, и также он напрямую взаимодействовал с теоретиками. Г.С. еще активнее занялся основной тематикой – уточнением основных характеристик и созданием банка данных десятков изделий, в испытаниях которых он участвовал. Теперь этой кропотливой работе он мог посвящать большую часть своего рабочего времени.

С 1993 г. ВНИИЭФ начал развивать международное сотрудничество с американскими ядерными лабораториями, сотрудники нашей лаборатории также активизировали эту деятельность. Г.С. им не препятствовал, однако сам не проявлял особого интереса и практически не участвовал в этих работах, так как, видимо, считал, что не в этом направлении должен развиваться институт, который создавался для разработки и совершенствования ядерного оружия.

Г.С. до мельчайших подробностей помнил результаты десятков опытов, УРСы грунтов, особенности каждого испытания, погрешности измерений. Его работа была востребована. Однако, когда он посчитал, что полностью выполнил поставленную перед собой задачу по уточнению характеристик и закончил анализ всех изделий, в испытаниях которых он участвовал, то ушел на заслуженный отдых.

На пенсии он занимался своим любимым садом, ездил собирать грибы; поддерживал связь с сотрудниками. Телегин не написал мемуаров о своей интересной жизни и работе, хотя ему было о чем рассказать потомкам, и он отлично умел излагать свои мысли на бумаге. Но это тоже, как мне кажется, принципиальная бескомпромиссная позиция человека, который работал не ради красивых слов, а ради большого нужного и понятного ему дела – дела создания и укрепления ядерного щита нашей страны.

СЫРУНИН Михаил Анатольевич –
начальник лаборатории ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ,
кандидат физ.-мат. наук